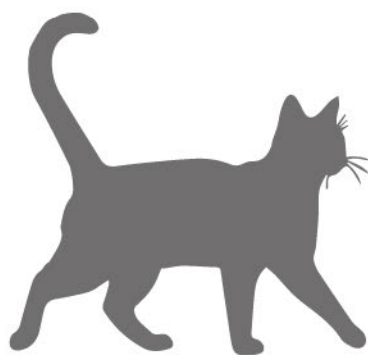

СТЕЙСИ Ю

Кошки не ходят на работу

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ю11

Stacey Yu
KITTEN
Copyright © Stacey Yu, 2026
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Numberg Literary Agency за содействие в приобретении прав

Перевод с английского Светланы Тишиной
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Ю С.

Ю11 Кошки не ходят на работу : роман / Стейси Ю ; пер. с англ. С. Тишиной. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Акценты).

ISBN 978-5-389-30026-2

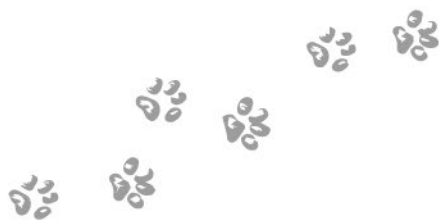
Кэти окончила колледж и стоит на пороге взрослой жизни. Вот только думать о поисках работы и прочих проблемах ей совсем не по душе... Вместе с влюбленным в нее Джеймсом девушка отправляется в путешествие — посмотреть на океан, которого она никогда не видела. Джеймс берет в поездку свою любимицу — серебристую кошку Силвер, и внезапно Кэти ощущает головокружительное родство с Силвер. Кошке не нужно искать работу, скучать на званом ужине или пытаться помириться с матерью, ей позволено целыми днями валяться на диване, устраивать каверзы и капризничать. Что бы она ни делала, все ее любят и кормят. Не о такой ли жизни мечтает сама Кэти?

Этот звонкий дебютный роман, то по-кошачьи игривый, то неожиданно глубокий и проникновенный, — чуткое размышление о том, что значит быть самим собой во «взрослом» мире, который сбивает с толку и манит надеждами и обещаниями.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-30026-2

© С. В. Тишина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Глава 1

Когда Джеймс знакомил нас с Силвер, он бережно вложил ее мне в руки, словно я ее уже давно люблю. Но я тут же ее уронила.

— Ничего страшного, — сказал Джеймс, который мне все прощал. — Ничего.

Силвер приземлилась на все четыре лапы, как приземляются кошки, даже если падают с высоких зданий. Мне это показалось восхитительным.

— Родители уехали в Испанию, — пояснил Джеймс. — Она поживет у нас до первого октября, хорошо?

Октябрь наступал через две недели, значит, год скоро закончится. Каждый раз, когда я думала об этом, меня накрывало волной беспокойства, и приходилось сжимать кулаки, чтобы сосредоточиться. Позже мы собирались сходить в ресторан, чтобы отметить мой день рождения, но я не могла избавиться от ощущения, что угодила в ловушку. Мне исполнилось двадцать два года, и я только теперь начала понимать, что ждет меня впереди.

Для празднования Джеймс выбрал грузинский ресторан, знаменитый своими хачапури, о которых я раньше даже не слышала. Мой настоящий день рождения Джеймс пропустил, потому что работал допоздна. Я не расстроилась, хотя моя соседка по комнате Лу увидела в этом тревожные признаки одержимости.

— Это я одержимая в наших отношениях, — сказала я Лу.

— Напрасно люди считают, что в паре может быть только один одержимый, — насмешливо возразила она.

Впервые мы с ней отмечали день рождения на трезвую голову, и Лу купила мне дюжину украшенных глазурью кексиков. Ее мучило похмелье после вчерашней вечеринки в честь открытия галереи, и она смогла впихнуть в себя только две штучки, остальные я прихватила с собой, чтобы съесть с Джеймсом после ужина. Увидев кексы, он так обрадовался, словно они доказывали, что в мире есть доброта.

— Ты говоришь, что соседка тебя ненавидит, но посмотри-ка! Она же тебя обожает.

Джеймс не понимал, почему я считаю, будто люди меня недолюбливают. Но я знала, что права, хотя, в отличие от Джеймса, мне было наплевать. Незнакомые люди всегда меня пугали, я и сейчас не люблю смотреть в глаза даже друзьям. А вот Джеймс всем нравился: у него такое милое, открытое лицо, что люди не могут ему ни в чем отказать. Непонятно, знал он о своей власти или нет, — иногда мне казалось, что Джеймс так и остался взрослым ребенком.

Силвер метнулась к ногам Джеймса. Он протянул ей указательный палец, и она встала на задние лапы и уткнулась в палец носом. Оба они замерли на несколько секунд, пока Силвер не оторвалась от пальца и снова не опустилась на все четыре лапы. Надо же, просто невероятно!

— Ее нужно снимать в рекламе или еще где, — сказала я.

Джеймс засмеялся.

— С чужими она не станет такое вытворять.

Я помахала пальцем, чтобы привлечь внимание Силвер. Она проказливо покосилась на меня, чуть ли не подмигнула. По сравнению с Джеймсом она выглядела совсем крошечной, этакая мелкая серебристая клякса. Я снова помахала пальцем, но она не сдвинулась с места. Трудно не воспринять такой игнор на свой счет.

— Пора идти, иначе опоздаем.

Джеймс вечно боялся опоздать, и рядом с ним эта тревожность передавалась и мне, словно я примеряла его одежду. Но если тревога в конце концов оправдывалась, оказывалось, что мне в общем-то все равно. Вот такое у меня незрелое сознание.

Коридор в квартире Джеймса был такой узкий, что мы задевали друг друга плечами. Силвер шла за нами, подняв хвост. Я поймала косой взгляд ее лукавых глаз, и во мне вдруг что-то шевельнулось, может быть та часть, что отвечает за эволюцию, не знаю... Мне вдруг ужасно захотелось подхватить ее на руки и запихнуть себе в рот, но не для того, чтобы съесть, нет, а чтобы уберечь от этого мира. Вот какой первозданной властью над нами обладают большие глаза и расширенные зрачки! Если бы маленькие дети и домашние питомцы не были такими милыми, кому бы захотелось их заводить?

— Не уверен, что ты права, — покачал головой Джеймс, когда я высказала свою гипотезу. — Думаю, в людях заложен природный инстинкт заботиться о братьях наших меньших.

— Допустим, — согласилась я, — но только потому, что они милые.

Небо было темным, что так редко случается на Манхэттене и так часто в моем районе. Джеймс снова потопил меня, и я прибавила ходу, мы спустились в метро и забежали в вагон, когда двери уже закрывались.

«Вокруг сколько интересных занятий, но... у тебя похмелье!» — гласил плакат, рекламирующий безалкогольные коктейли. Мне слоган показался довольно злобным.

— Иногда людям просто необходимо напиться, — пробормотала я.

Джеймс искренне рассмеялся.

— Вообще-то это наша реклама, — сказал он. — Но не волнуйся, слоган писал не я.

Мне было жарко в тесном бархатном платье, я то и дело оттягивала горловину, при этом чувствуя себя неловко: вдруг со стороны покажется, будто я пытаюсь привлечь внимание. Мужчины нечасто на меня смотрят, но если все-таки смотрят, то с неимоверной серьезностью, словно не в силах отвести глаза. Видимо, я отличаюсь от привычных им картинок: подолгу зависаю взглядом на одном предмете, молчу во время разговора, — из-за этого одни считают меня загадочной, а другие невоспитанной. Интересно, какой я стала бы, если бы мое лицо вообще ничего не выражало? Иногда я даже представляла, что у окружающих тоже ничего нет на лице, только кожа, как холст, натянута от лба до подбородка и несколько ровных дырочек, чтобы дышать и есть. Наверное, я бы лучше убила себя, чем жить в таком мире.

Джеймс очень внимательно относится к внешности. После того, как мы переспали, он сказал, что у меня над правым ухом три веснушки. Кроме мамы, он единственный человек, который знает об их существовании. Ка-

кой кайф, когда человек смотрит на тебя вот так, по-особенному, видит по-другому, чем все остальные. Целуя Джеймса, я словно умирала и перерождалась в игрушечного ангела, который создан только для того, чтобы его любили.

Мы приехали на пятнадцать минут позже назначенного времени. Я думала, Джеймс будет нервничать, но он лишь пошутил:

— Впервые последовал моде опаздывать.

— Еще пять минут опоздания — и остались бы без столика, — проворчал администратор.

Я пришла в ужас, но Джеймс только рассмеялся и заявил:

— Все вопросы к транспортному управлению.

Когда поездка требовала больше одной пересадки на общественном транспорте, Джеймс вызывал такси. Трудно было сказать, пользуется ли он такси потому, что любит приезжать вовремя, или просто потому, что богат.

Администратор проводил нас к столику, рядом сидела семья с плачущим младенцем. Багровый морщинистый ребенок выглядел ужасно.

— Расти большая, — пожелал Джеймс, едва взглянув на малышку. Поразительно, как он смог угадать пол, когда не сразу и определишь, что это существо — вообще человек. Я кивнула, показывая Джеймсу, что тоже благоговяю младенца, хотя на самом деле тот меня абсолютно не заботил.

Джеймс долго обсуждал с официантом меню и винную карту, после чего наконец выбрал четыре блюда и бутылку саперави, грузинского красного вина. В ходе общения официант явно почувствовал в моем спутнике родствен-

ную душу и отправился выполнять заказ с широкой улыбкой на лице. К счастью, на меня официант даже не посмотрел. Мне безразлично, какие продукты пихать в свое тело, поэтому я люблю, когда за меня это решают другие.

Вино оказалось темно-красным, почти черным.

— Знаешь, чем уникален виноград сорта «саперави»? — спросил Джеймс.

— Расскажи.

— У него красная не только кожура, но и мякоть.

Еще Джеймс сказал, что с грузинского название переводится как «обагрить». Мне понравилось: как наглядно! Так и представилось, как кто-то обагрил ягоды кровью, защищая свои виноградники.

— Поэтому некоторые виноделы добавляют этот сорт в купаж, чтобы придать вину более насыщенный колер.

Тут до меня дошло, что речь шла только о цвете, а не о крови, и я почувствовала себя обманутой.

Джеймс поднял бокал, сияя от счастья, будто уже опьянел. Я смотрела на его улыбающееся лицо в янтарном отблеске светодиодных свечей, и мне вспомнились масляные светильники, с которыми ходили медведи в мультике, где все жили в уютных коттеджах. Тут я сообразила, что уже давно молчу, и Джеймсу, похоже, пришла в голову та же мысль.

— Двадцать два, — объявил он. — Прекрасный возраст.

— Спасибо, — поблагодарила я, отпивая вина.

— Как себя ощущаешь?

— Нормально, — ответила я. — Хотя двадцать два — не так сексуально, как двадцать один или двадцать шесть.

— Двадцать шесть не сексуально. Никто не мечтает стать двадцатипятишестилетним. — Двадцать шесть было

Джеймсу. Я всмотрелась в его лицо, стараясь разглядеть признаки возраста. Когда мы познакомились, он казался мне ровесником. Узнав, что Джеймс старше, я испытала и шок, и облегчение: с одной стороны, теперь понятно, почему его жизнь благополучнее моей, с другой — я была рада, что могу нравиться человеку из взрослого мира. Позже Джеймс признался, что тоже считал нас одноклассниками, и я изо всех сил постаралась не подавать виду, что расстроилась.

— Мне стоит подготовиться? — спросила я.

— Нет, я шучу. Двадцать шесть — хороший возраст. Но двадцать два лучше.

В двадцать два моя мать родила меня — этот возраст предвещал ужасные перемены в жизни. Меня невольно передернуло. Допив вино, я почувствовала, как по желудку разливается жар, и представила, что живот надувается, как воздушный шарик: если стукнуть по нему, сразу лопнет.

Принесли хачапури — хлебную лодку с начинкой из сыра с яйцом в центре. Сырой дрожащий желток напоминал глаз, который пристально глядел на меня. Я вообразила, как из зрачка вылупляется цыпленок, как он борется с вязкой массой, чтобы сделать первый вдох.

— Ох, как вкусно! — Джеймс и в самом деле был в восторге от блюда. Теперь поникший желток беспомощно сочился из сделанного надреза. Джеймс ловко переложил кусок мне на тарелку.

Я заставила себя попробовать. Хлеб был мягкий, а сыр пряный. Я видела, что Джеймс за мной наблюдает: я ела то, что ему нравится. Глаза у него были широко распахнуты, и я поняла, что он сильно взволнован.

— Да, очень вкусно. — Я снова откусила. Было действительно вкусно.

— В общем, мне нужно тебе что-то сказать, — начал Джеймс. — Сюрприз ко дню рождения.

— Это не про Силвер?

— Нет, я же знаю, что ты не кошатница.

С чего он решил, что я не кошатница? Возможно, я говорила ему об этом прежде, но теперь с удовольствием взяла бы свои слова обратно. Я вспомнила, как Силвер тычется в палец Джеймса розовым, как кукольные туфельки, носом. Но я же раньше не знала, что кошки так умеют.

— Помнишь, я рассказывал, что у родителей есть дом? В Хольме, рядом с океаном. Лето заканчивается, и коттедж наконец освободился. Всего на две недели. Я взял небольшой отпуск и решил отвезти тебя туда, если захочешь. Можем отправиться в воскресенье.

— Правда? — Я ни разу не видела океана. Интересно, какой он? А еще Джеймс говорил, что для него там и есть настоящий дом. Когда мама Джеймса заболела, семья переехала в город, поближе к хорошим больницам, но сейчас родители вернулись в пригород.

— У меня накопились дни отпуска, и я подумал, что сейчас самое время. Твой день рождения. Наши полгода вместе.

Две недели вдвоем с Джеймсом, вдалеке от города и от Лу с ее пассивно-агрессивными замечаниями о том, чья очередь выбрасывать мусор. Мысль о совместных каникулах уже начала застывать в голове, как желе в формочке.

— Значит, у нас все серьезно?

Он улыбнулся.

— Раньше я никого туда не возил.

Внезапно мои двадцать два показались мне волшебными, и я настроилась весь оставшийся вечер запоминать детали, чтобы потом перебирать их в памяти, когда будет одиноко или скучно. Масляный блеск на губах Джеймса, плывущая над нашими головами мелодраматическая музыка. Огорчало только одно: скоро вечер закончится, Джеймс уснет, а я буду лежать рядом, уставившись в идеально гладкий потолок, и некому будет пересказать эти волшебные моменты. Я взглянула на телефон. Мама так и не позвонила.

Потом Джеймс заказал еще одну бутылку вина, хотя мы уже были навеселе. Щеки у него покраснелись, он то и дело взрывался смехом. Официант проникся к нам — или, скорее, к моему спутнику — симпатией и приносил закуски, которые мы не заказывали: ореховые печеньки, виноградные листья с мясной начинкой. А потом, когда в ресторане почти не осталось посетителей, официант подсел за наш столик и стал выпивать с нами. Возможно, Джеймс сам его пригласил, но я не заметила. Они болтали о Тбилиси и о том, что там сейчас происходит. Я же, пока никто не видел, окунала палец в вино и рисовала на белой скатерти улыбающиеся рожицы сливового цвета. И думала: все-таки мы совершенно особенные.

Втроем мы с легкостью опустошили вторую бутылку, хотя большую часть своего вина я незаметно вылила в тарелку. Но после того как принесли счет и нас вновь осыпали неожиданными угощениями, я почувствовала, что ужасно пьяна. Улыбающиеся рожицы расползались по скатерти, поедая друг друга. Я дала себе пару минут,

а потом снова попросила Джеймса не умирать раньше меня. Иногда мне трудно отличить нормальную мысль от странной.

Но Джеймс каждый раз говорил: да, обещаю. В своей обычной манере — без колебаний, глядя прямо в глаза. И я каждый раз ему верила.

Мы вернулись в квартиру и увидели на полу лужицу рвоты. Впервые Джеймс не повесил пальто аккуратно на крючок рядом с дверью, а уронил на пол.

— Силвер! — вскрикнул он и бросился внутрь квартиры.

В знак сочувствия я тоже уронила пальто, но осторожно, чтобы не попасть в лужицу.

Джеймс исчез в спальне. Я пошла в ванную.

— Силвер! — тоже позвала я, хотя у меня призыв получился не таким искренним. Рядом с унитазом красовалась еще одна лужица. Я наклонилась, чтобы ее изучить. Раньше я никогда не видела рвоту животных: бледно-розовая жижа с кусочками чего-то белого.

— Нашел. — Джеймс вышел с Силвер на руках. Она так печально и безвольно повесила голову, что мне сразу стало ясно: что-то натворила и теперь притворяется больной. — Бедняжка! Пряталась под кроватью. Она всегда так делает, когда болеет. — Он поцеловал Силвер между ушами. — Скорее всего, просто съела какую-то гадость. Да, моя крошка? — прошепелявил он низким голосом: — Ты съела то, чего тебе нельзя? Признавайся.

Со мной Джеймс никогда так не разговаривал, даже в первую встречу, когда меня вырвало прямо ему на колени. Я пошла на кухню вымыть руки; здесь выложенный плиткой пол тоже был испачкан рвотой. Изначаль-

ное сочувствие к Силвер понемногу испарялось. Зачем же загаживать всю квартиру — это уже похоже на вполне осознанный поступок.

— О боже! — раздался возглас Джеймса позади меня. Я обернулась посмотреть, куда направлен его взгляд. На стеклянном столике валялась моя коробка с кексами от Лу, полностью уничтоженная. Неужели она сожрала все кексы? Среди обгрызенной бумаги виднелось лишь несколько завитков розовой и фиолетовой глазури. Увидев коробку, Силвер выскочила из рук Джеймса и, высоко задрав хвост, исчезла в спальне.

— Да ладно. Все нормально, — отмахнулась я.

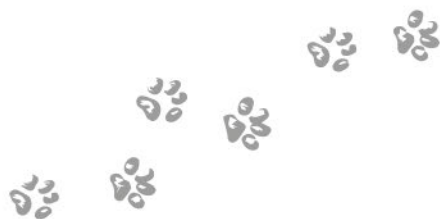
— Прости, — вздохнул Джеймс. — Я уже давно не жил с нашей кошкой и забыл, что она тащит в рот все подряд.

— Ничего страшного. Я все равно не собиралась их есть.

— Ложись, — сказал Джеймс. — Я уберу.

Ночью, когда Джеймс и Силвер уже спали, я пошла на кухню и открыла мусорную корзину. Содержимое было аккуратно сложено, и спрессованная коробка из-под кексов лежала сверху. На бумажной крышке темнели жирные пятна. Я собрала пальцем крошки глазури и отправила в рот. Было вкусно, и я с удивлением поняла, что мне грустно оттого, что день рождения закончился, что я уже год не разговаривала с мамой и что мне и вправду исполнилось двадцать два.

Глава 2

Я познакомилась с Джеймсом полгода назад в марте, на исходе долгой ненастной зимы, когда город, казалось, отсырел от тающего снега. Приближались выпускные экзамены, и Лу только что стукнуло двадцать два. Мы с ней пошли в бар отметить ее день рождения, и очень скоро Лу ускользнула в ночь с очередным кавалером гораздо глупее себя, а мне тоже очень захотелось мужского внимания. Такое желание просыпается у меня всякий раз, как я выпью. Знаю, выглядит жалко и патетично, но мне было все равно. Желание только росло, а больше всего я хотела, чтобы меня кто-нибудь поцеловал.

Чужая рука столкнула со стола на пол мой стакан, и он разлетелся на мелкие кусочки. Я наклонилась, чтобы собрать осколки, а Джеймс ринулся ко мне на помощь из другого конца бара. К тому времени, как явились официанты с совками и швабрами, пол уже был безукоризненно чист, а в руках у Джеймса ничего не оказалось. Я спросила, куда он дел стекло, а он вдруг улыбнулся мне, как старой знакомой. Позже я поняла, что Джеймс именно так смотрел на весь мир: словно тот уже принадлежит ему.

Он потряс пакетиком из-под «Читос» и сказал:

— Та-дам! — И не успел увернуться, как меня стошнило прямо ему на рубашку. Одно из лучших моих выступлений.

Джеймс довез меня на такси до дома, а затем еще час придерживал мне волосы, пока меня рвало в унитаз. В какой-то момент вернулась Лу: я слышала, как она подходила к ванной, топталась у самой двери, а потом удалялась. В конце концов Джеймс запихнул меня в душ прямо в одежде и стал мыть мне голову.

— Не тот, — пробормотала я в панике: он намыливал меня дорожным шампунем Лу. — Это не мой.

— Какая разница, — отмахнулся он. — Подумаешь, шампунь.

Однако разница была, особенно при такой цене, как у шампуня соседки. Но пахло хорошо, и Джеймс так ожесточенно массировал мне скальп, словно хотел вымыть из головы весь алкоголь. Позже мы валялись на моей кровати, задрав ноги на изголовье. Я никогда не лежала в таком ненормальном положении и чувствовала себя как в кино.

Джеймс восхищался картинами, висящими над изголовьем, мамиными картинами. Он спросил, рисую ли я тоже. Я ответила «да», и совершенно зря, потому что он тут же вознамерился посмотреть мои «работы». Я уже несколько лет серьезно не рисовала, и даже краски с кисточками остались дома. У меня нашлись только снимки давнишних картин: акварель с повернутыми друг к другу стульями и набросок одиноко стоящего дерева.

— Мне нравится, — заявил Джеймс. — У тебя дар очеловечивать неживые предметы. Ты хотела показать, как стулья общаются?

Я посмотрела на фото и увидела лишь предметы мебели, о чем и сообщила Джеймсу, но сразу почувствовала обиду за стулья, за то, что отказала им в человечности.

— Моей маме нравится такое искусство, — сообщил он. — Актуальный натюрморт.

Я сомневалась, что такой жанр существует, но поняла, что он имел в виду. Оказалось, когда Джеймс был ребенком, его мать постоянно болела. И хотя сейчас ей стало лучше, он не знал, надолго ли. Моя мама никогда не лежала в больнице, разве что совсем перестала есть, когда я была подростком.

— У нас разные ступни, — доложила я Джеймсу, потому что маме не нравилось, когда я рассказываю о ней другим, а наши ступни первыми попались мне на глаза.

— Объясни.

— У тебя второй палец короче большого.

Джеймс издал низкий и громкий смешок, словно упала книга. Я испугалась, что соседка проснется, но он придвинул свою ногу к моей, наши пальцы соприкоснулись, и я тут же забыла о Лу.

Мы уснули около пяти утра, уже светало. Когда я проснулась, Джеймс похрапывал рядом, и было далеко за полдень. Мои волосы, все еще влажные, пахли волшеб-но. Я чувствовала себя ужасно живой и беспомощной одновременно, словно только что вылупившийся птенец. Через неделю мы впервые переспали. А еще через неделю он предложил мне стать его девушкой.

На выходных, прежде чем отправиться в Хольм, Джеймсу предстояло закончить кучу дел. Начальник ему не приказывал, он сам вызвался. Обычно меня радовала способность Джеймса впечатлять людей: мне нравилось наблюдать, как светлеют их лица, как падает защитная броня, когда он безо всяких просьб делает или говорит

что-нибудь приятное. Но сейчас я забеспокоилась: он заявил, что уже перешел в отпускной режим, и даже показал пальцами кавычки.

Когда мы только начали встречаться, Джеймс вкалывал как одержимый, и у меня даже мысли не возникло, что он богат. По-моему, какой смысл зарабатывать деньги, если ты уже с ними родился. Но Джеймс полностью отдавался работе копирайтера в рекламном агентстве, которое, если судить по обещаниям на их сайте, превращало потребительские тренды в отношения по любви. Бывало, Джеймс проводил в офисе чуть ли не по полсутки, но никогда не жаловался. Сама я работала начиная с пятнадцати лет, но никогда столько часов подряд.

До окончания учебы я даже не подозревала, что одиннадцать часов так долго тянутся. Без лекций в универе, домашних заданий и вечеринок с Лу безразмерность рабочего дня Джеймса наваливалась на меня медленно, но настойчиво, как летний грипп. Я еще подрабатывала в университете, но чаще валялась в постели до полудня, просматривая видеоролики о странных привычках или пытаясь разобраться в зашифрованных сообщениях от Лу: то ли ее все больше раздражала работа — моя соседка терпеть не могла «тупых лос-анджелесских сучек», — то ли, что более вероятно, она уже жалела, что предложила мне поселиться в одной квартире. Когда мне наконец удавалось убедить себя, что сегодня мы с Джеймсом не увидимся, он внезапно писал, что у него выдался свободный вечер, и приглашал в гости.

Большую часть субботнего утра Джеймс проводил в одной и той же позе, сидя за ноутбуком и оттачивая текст электронных писем клиентам.

— Том говорит, что из-за лишней вежливости я кажусь младше, чем есть на самом деле, — признавался он.

Его стол размещался рядом с большим окном, и в полдень, когда солнце светило в полную силу, тело Джеймса слегка искрилось, словно он вот-вот вознесется. Видимо, в такие моменты он больше всего нравился Силвер. Она хватала его лапой за ногу и призывно мяукала, выпрашивая знаки внимания, которые иногда и получала. Но все-таки чаще Джеймс с серьезным видом продолжал смотреть в компьютер.

— Иди ко мне. — Я пошевелила ногой. — Силвер, иди ко мне.

Она оглянулась на меня, но не двинулась с места.

— Мяу, — мяукнула я.

Силвер отвернулась, словно я ее оскорбила.

Джеймс потянулся, и от его движения по стене пробежала тень. Силвер подпрыгнула, пытаясь ее поймать, и тело у нее вытянулось раза в два. Но Джеймс вернулся к работе, и тень исчезла. Силвер озадаченно склонила голову набок. Вот глупышка, подумала я, и правда ничего не понимает. Я подняла руку, и Силвер, увидев новую тень, вильнула задом. Я пошевелила рукой, и кошка, к моей радости, внезапно прыгнула. Тогда я подняла левую руку над правой, чтобы получилась морда собаки, и залаяла:

— Гав! Гав!

Силвер погналась за воображаемой собакой. Я пробежалась тенью до конца стены и перескочила на следующую. Кошка застыла, глядя на первую стену и не решаясь повернуть голову. Она сидела совершенно неподвижно, уставившись в пустоту и дергая хвостом. Мне стало совестно: видимо, мой маневр выходил за базовые гра-

ницы ее сознания. Может, это тоже считается жестоким обращением с животными?

Когда я вернула тень-собаку на прежнюю стену, Силвер снова завиляла задом. Я терпеливо ждала, пока она приготовится атаковать, и наконец она ринулась через всю комнату, с грохотом приземлилась на стол Джеймса и, напуганная произведенным ею же шумом, улетела на кухню.

— Ого! — Джеймс вскочил.

Я разразилась хохотом. Он улыбнулся, хотя ему явно было не смешно.

— Она разлила мой кофе.

— Я просто пыталась понравиться Силвер.

— Ничего сложного. Достаточно ее покормить.

Могло сработать, однако Силвер даже не понюхала предложенную мной еду, хотя та однозначно была роскошной. Банка из-под корма выглядела так нарядно, что я уже подумывала достать ее из мусора и приспособить для хранения украшений или ключей. Не верилось, что такую красоту делают для кошек, у которых, насколько я понимаю, даже нет художественного вкуса.

— А как тебе это? — Я выплеснула из миски воду и налила туда молока из холодильника. — Ты ведь любишь молоко?

— Кажется, у многих кошек непереносимость лактозы, — предупредил Джеймс.

— А ты хоть раз давал ей молоко? — Я поставила миску на пол. Силвер понюхала и начала лакать, сначала аккуратно, а потом все более жадно. Когда миска опустела, кошка посмотрела на меня и срыгнула; на усах у нее дрожали молочные капли-жемчужинки.

СТЕЙСИ Ю
КОШКИ НЕ ХОДЯТ НА РАБОТУ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.06.2026.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.

Усл. печ. л. 18,60. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®,	тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-AET-39177-01-R